

Сергей
Котов

Я ЗДЕСЬ НА СЧАСТЬЕ ОБРЕЧЕН

* * *

Это Питер, детка.
(из городского фольклора)

И сыт я, и пьян я, и нос в табаке.
Плыву в теплоходе по быстрой реке,

По тихим каналам, по тёмной Неве,
И прячу козырный свой туз в рукаве.

Сижу и взираю, как птица на ветке.
– Смотри, это Питер, залётная детка!

Закатное солнце горит, как гранат.
– Ты весь европейский, а я – азиат.

Ты весь из гранита, звучащий, надменный,
Парящий, плывущий, по-царски степенный.

Я чист пред тобою, как камень в росе.
Я вырос под байки Алдара Косе.

Ковыльная степь мне мягка, как перина,
Я знаю уловки Хаджи Насреддина.

Ну что же, что я здесь – иного покроя.
Я русский по духу, душе и по крови!

Красавец, громадой своей не дави.
Я вырос на солнце, я полон любви,

Как степи горячие ветром полынным,
Как песни казачьи простором былинным.

Плывёт теплоход, нагоняя волну.
Остаток всей жизни стоит на кону.

ЧУЖИЕ

Сел за руль – уже преступник.
(шутка гаишника)

Чужие стоят на пути, не свои.
А темень – черней катафалка.
Возьмет документы сотрудник ГАИ,
Паучья рука-загробалка.

Он чует, как пес на таможне, кто пьян.
Давить бесполезно на жалость.
Ему бы залезть в мой дырявый карман –
Быть может, там что затерялось.

Он – стойкий солдатик,
Ветрами продут.
Устроит любая валюта.
В душе его кошки давно не скребут, –
Всё выдуто в ней, всё продуту.

Когда бы я выполз,
Да пьяный в дугу,
Мне были бы искренне рады.
Меня б повязали на тёмном снегу
Ребята гаишной бригады.

Меня обобрали б на совесть тогда.
Сегодня ж вы ждете без толку.
Идите к товарищу вы, господа,
К коллеге,
Тамбовскому волку!

ЧАБАН

В степи, под Уч-Аралом,
Чабан, совсем один
Сидит, и дела мало
Ему до всех машин.

Вдаль, грохоча по трассе,
Идут грузовики.
Кругом – однообразие:
Пустырь, солончаки.

Рассыпалась отара,
Ждет оклик чабана.
И в мареве от жара
Плывет в степи она.

А он – из камня будто.
Как солнечный фантом.
Как просветленный Будда.
И степь – как эхо в нем.

СТРАНА

Нас не расстреливали «тройки»,
Не гнали к Колыме в мороз.
Страну пустили в «перестройку»,
Как бронепоезд под откос.

Я был тогда со всеми вместе,
Страны обычный рядовой,
Брал на себя её бесчестье –
На всех хватило нам с лихвой!

Кто в землю лёг,
кто спился с горя,
Кто сдался и залез в петлю.
А я дерусь ещё и спорю,
До смерти родину люблю.

Да, не взаимно.
Безответно.
И не надеясь ни на что.
Как старый воин, беззаветно,
Шинель сменивший на пальто.

СВЕРЧОК

Покуда жаворонок спит,
Спой, добрый друг сверчок.
Войду к тебе в ковыльный скит,
Усядусь на шесток.

Покуда ночь, покуда сон.
Мир звёздами укрыт.
Я здесь на счастье обречен.
Как ты – не знаменит.

Нам не дано с тобой парить
У солнца в небесах.
Талант, как крест, дано носить
На содранных плечах.

Под подорожниковый лист
Травинок постелю.
Я сам не сильно голосист,
Скриплю себе, скриплю.

ПАМЯТИ Е. В. КУРДАКОВА

Наброски ещё, а не стихотворенья,
Листки, что не знали работы мучительной,
Не самость я нёс, а печать самомнения,
По лестнице вверх поднимаясь к Учителю.

И всё это мёртвое – стыло и блекло.
И там, где сбивалось живое дыхание,
В руках его чутких из горсточки пепла
Взлетало, имея иное звучание.

Его кабинет мне казался планетой.
Он в стих погружался, как в транс камлания,
И виделись тени великих поэтов,
И слышались скрипы оси мироздания.

И гасло пустое осевшею пеной.
Душа поднималась над помыслом плотским,
И мы ощущали здесь токи вселенной.
К нам Пушкин сходил и сходил Заболоцкий.

И даже когда приходила собака
И пела, внимая хозяйской гармонике,
Казалось поэзией. Я Пастернака
Домой уносил недоступные томики.

И всё это даром, и всё безвозмездно!
Учили, ведя нас дорогою тесною.
Душой отлетая, где звёздная бездна,
И где обретается Царство Небесное.

МЕТЕЛЬ

Люблю приближенье метели!
Рванет и задует кругом.
Деревья скрипят, как качели,
И снег кувырком, колесом.

Вскипает от края до края.
Как конницы белой налет –
Со свистом атака лихая
По улицам белым идет.

Всю ночь, до утра не стихая,
Мне слышатся скрипы колес.
И вязнет, во тьме утопая,
Груженный снегами обоз.

ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ

Иван Моисеевич, дед мой по матери,
Садится за стол деревянный со скатертью,

В рабочие руки с набухшими венами
Он старую книгу берет – Откровения.

За окнами звезды украсили вечер,
Любуюсь и слушаю, и не перечу.

Ложится на душу такое заделие –
Листать вместе с дедом, читать Евангелие.

От снега светло и от стенок побеленных,
Светло на душе мне, я молодо-зелено.

Как в храме, в избе этой с крышею низкой,
Окно смотрит в сторону иерусалимскую.

Апокриф в руках – «Апокалипсис Ездры».
Каникулы. Дед мой. И звездная бездна.

В ГЕРМАНИИ

Я был в Германии.
И с немцем молодым
Чуть было я не разругался в дым.

Плыла луна в ночи неторопливо,
Мои друзья потягивали пиво.

Я – пиву враг, с ним не согласен в корне,
Двух градусов мне не хватало в «Корне»*.

На сленге молодых – сидели «клёво»,
Пока не вспомнил он про Горбачева.

Тот выплыл вдруг, как чёрт из табакерки.
А с ним раздор с разрухой на поверку.

Я был понятен и без перевода,
Когда я жег им про «врага народа».

Мне б промолчать и показать пример.
Я – в маечке «Рожден в СССР».

Не надпись бы, порвал бы, как тельняшку,
Ведь я интеллигент с большой натяжкой.

Я лютый был, я был похож на волка.
Меня догнало прошлое осколком.

А в целом, мы неплохо погуляли
И больше про врагов не вспоминали.

*«Корн» – немецкая водка, 38 градусов.

ДОРОЖНАЯ БАЛЛАДА

Была зима. Снега по пояс
В осаду взяли мир кругом.
Наш грязный пригородный поезд
В Лениногорск набит битком.

То было время девяностых:
Разруха, грязь да матерки.
Горчил в вагоне спертый воздух,
Воняли хмелем мужики.

Он тормозил на полустанках
И собирал до кучи всех:
В проходе лыжи, сумки, санки,
Ворчанье бабок, детский смех.

Забито всё до третьей полки,
Свет приглушённый, полутьма.
Сосед пальцующий, в наколках,
Блатует, мать ему – тюрьма.

Тут глаз да глаз с таким соседом –
Смотри, добра не проворонь!
Студент с авоськами,
А следом –
Мужик с гулянки рвет гармонь.

Влез бородач, видать, с поселя.я.
Давильня – Боже, упаси!
Тут впору плакать – нам веселье.
Так было часто на Руси.

Напротив – женщина сидела,
Печально голову склоня,
Лишь седина волос белела.
– Два сына было у меня...

Со мной ли, с ними говорила?
Глядела мать в глухую тьму.
– В одной оградке две могилы...
Зачем растила вас, кому?

Иван пришел с Афганистана,
Он постоянно рвался в бой,
Кричал во сне и бил душмана.
Иван, что сделали с тобой?

А младший сын прошел Чернобыль.
Недолго пожил Игорь мой.
С тяжелой горечью, без злобы
Смотрела мать во мрак глухой.

В глухой метели мельтешащей
Просветы были не видны.
И горе матери скорбящей
Сливалось с горем всей страны.

Мелькали призрачные тени.
Гремел скрипучий паровоз.
Страна плыла в свое забвенье
Под стук колес.
Под стук колес.

* * *

Бессовестное время.
Наелся. Невтерпеж.
Ствол упирая в темя,
Куда меня ведешь?

К лихому бездорожью,
Где света не найти,
Смешав, как дёгтем, ложью
Все Божии пути.

Но выбраться непросто.
И, осенив перстом,
Читаю девяностый –
От вражбых сил – псалом.

